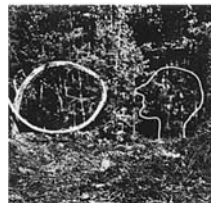

ВОСПРИЯТИЕ НАГОТЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

© 2015

Р.Е. Гергилов

ОТКУДА И КУДА

**Гергилов
Ростислав
Евгеньевич** —

кандидат социологических наук, доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Постоянный автор журнала. E-mail: gerro@mail.ru

К началу XX столетия сексуальное было вырвано из “сферы сокрытого и викторианской строгости социального принуждения” [7, S. 65]. Добрачные и внебрачные связи, гомосексуальность, мастурбация и средства контрацепции все более освобождались от покрова молчания и все менее связывались с неким изьяном тайного, ненормального и запрещенного.

С 1960–1970-х годов изменились морально-социальные дискуссии о классификации и оценке вновь “открытой” наготы [15, S. 28]. В рамках семьи она уже не ощущается опасной, а приветствуется как “эмансипирующая” или “естественная”. Речь теперь идет, скорее, о “добродетели наготы в семье” [9, S. 23]. Отныне “половое воспитание должно быть свободным от фальшивого стыда и страха” [10]. По сравнению с молодыми людьми, жившими 50 лет назад, сексуальный опыт современной молодежи более разнообразен — добрачные связи не табуированы, отношение к телу и наготы достаточно свободное [8, S. 20]. В рекламе и на телевидении господствует коммерциализация сексуального и наготы; процветает порноиндустрия [19, S. 21]. Участники различных ток-шоу открыто обсуждают сексуальные проблемы (различные сексуальные практики, садомазохизм и т.д.), что в начале XX века было не только табуировано, но даже как “перверсия” считалось патологией с криминальным оттенком. Благодаря масс-медиа такое детабуирование сексуальной сферы получило широкое социальное одобрение. Выросли значение и ожидания от сексуального и интимного. Создается впечатление, будто человечество непрерывно находится в поисках удовольствия и страстей, что дает право некоторым социологам характеризовать современное общество как “общество переживания” [18].

Этому относительно новому тренду в Западной Европе предшествовал долгосрочный процесс дисциплинирования сексуального поведения. В течение четырех последних столетий государство жестко контролировало сексуальное поведе-

ние населения (в частности, проституцию, порнографию, эксгибиционизм, изнасилования, педофилию, гомосексуальность, растление малолетних и аборт) с помощью регламентации, криминализации, патологизации и воспитания. Но с конца 1960-х годов в некоторых сегментах частной жизни контроль ослабевает: отдельные типы поведения в области секса, брака и контрацепции перестают быть уголовно наказуемыми. С момента отмены “принципа вины” супруги могут без особых трудностей разводиться, совместно живущие незарегистрированные пары больше не подпадают под статью о сводничестве, гомосексуализм уголовно не наказуем, порнографические аксессуары и литература становятся легкодоступными, а аборт, хотя и не приветствуется, но почти во всех странах разрешены [19, S. 16].

Сексуализация медийного пространства

Чем объясняется переход к большей публичности и меньшей государственной регламентации сексуальности и как это можно трактовать, с точки зрения теории цивилизации? Не повернул ли в последней трети XX столетия описанный Н. Элиасом цивилизационный процесс вспять? На самом ли деле сексуальность, любовь и эротика теперь проявляются и практикуются свободно и без помех? Исчезли ли пороги телесного стыда и неловкости? При попытке найти ответы на эти вопросы не следует автоматически переносить на повседневное поведение изменения в дискурсе сексуальности и публичном выставлении напоказ сексуализированного тела. Необходимо различать публично-медиаальную презентацию, с одной стороны, и реальное поведение в сфере сексуального — с другой. При более тщательном рассмотрении становится заметно, что основанному на наглядности инсценированию сексуальности и визуальной детабуизации наготы в медийном пространстве на практике противостоят различные имплицитные неартикулированные принуждения дистанцирования и требования сексуального самоконтроля. Некоторые факты указывают на то, что созданные в процессе цивилизации сексуальные табу посредством публичного дискурса наготы и ее инсценирования в масс-медиа, а также потребления визуализированной сексуальности не уничтожены, скорее, сдвинуты их пороги. Конечно, сегодня разрешено больше вариаций сексуальных связей, чем раньше, однако все же предполагается, что сексуальности, эротике и любви присуща относительно высокая степень приватности и интимности. Сексуальные контакты полов всё еще совершаются “за кулисами общественной жизни”.

Возникшие в ходе культурно-исторического процесса сексуальные табу разрушаются прежде всего транслируемой телевидением и Интернетом публичностью. Это происходит в ви-

де телесно дистанцированного пассивного просмотра и прослушивания, а не посредством чувственно-активного опыта. Перед тем как закрепиться в повседневной практике, виртуально-медийный опыт должен быть воспринят людьми; смысл он получает лишь с помощью перевода в первично-экзистенциальный жизненный опыт. А. Кепплер выступает против широко распространенного мнения о том, что телевидение все больше определяет повседневную реальность. Он подчеркивает как фундаментальное различие между телевизионной и повседневной реальностью, так и внутреннюю динамику и сопротивляемость жизненного опыта и практики. Без этого различия новые формы медийного развлечения были бы немыслимы [11]. Телевизионные шоу существуют благодаря внутренней динамике общественной жизни, поэтому вряд ли стоит опасаться, что распространенный в медийном пространстве образец поведения превратится в нормативную модель поведения человека.

Несмотря на массивную сексуализацию медийной сферы, в частной жизни могут господствовать интернализованные сексуальные фильтры, которые, кажется, давно сданы в архив различными “признательными” ток-шоу. Презентация сексуальности в медийном пространстве (порновидео как крайнее выражение) оторвана от моральных и социальных последствий и личностных контактов, то есть фиктивна; сексуальные действия в реальности требуют, как правило, установления социальной связи. Переживание сексуальных импульсов сопряжено со множеством проблем, трудностей и опасностей, относимых в секс-фильмах к спонтанности, непосредственности и поискам приключений: “Таким образом, в фантазиях могут вырабатываться чувства и ощущения, переживание которых в реальности табуировано” [3, S. 154]. Ирреальность социальных пограничных действий в фильме осознается зрителем лишь при попытке осуществить виденное им на самом деле. Привлекательность медийного инсценирования состоит не в отражении реальности, а в том, чтобы ее инсценировать, потрафляя потребностям и желаниям, которые в жизни не удовлетворяются.

Завоеванные в 1960–1970-х годах свободы, снижение ставших дисфункциональными ограничений стыда и чувства неловкости в отношениях между полами и сферой телесности, соотносятся прежде всего с аудио-визуальным рядом и тем самым с областью фантазий и страстных желаний. В противовес другим чувствам для переживания аффектов и чувства удовольствия визуальность приобрела огромное значение; это отражено в термине Элиаса “зрительное удовольствие” [13; 14]. По сравнению с пассивными, дистанцированными, опосредованными зрением и слухом, такие активные, прямые и непосредственные чувства, как обоняние, тактильность и вкус, менее затронуты ослаблением поведенческих предписаний. Если

чувствительность при рассматривании нагого человека в последней трети XX столетия уменьшилась, то по отношению к телесным запахам другого человека, напротив, возросла [6, S. 19]. Это же касается и чувствительности *телесного прикосновения*. Удовлетворение желаний в более поздней фазе цивилизационного процесса осуществляется в меньшей степени всеми чувствами и ощущениями человека, в большей — опосредуется зрением и слухом.

Удовольствие воспринимать мир ушами и глазами становится интенсивнее, утонченнее и объемнее. Многое воспринимается человеком, не вставая с места. “Думают и наблюдают, не двигаясь” [7, S. 162].

Вопреки расхожему мнению, покров с наготы спадает не повсюду, а “в четко обозначенных ситуациях и социальных анклавах” [24, S. 14]: на телевидении, в рекламе, в спорте, на дискотеке, на пляже или в бане. Базовыми границами, в которых допускаются нагота и умеренная реализация аффектов, являются границы между рабочим и свободным временем. В школе, на производстве, в офисе или в супермаркете — несмотря на некоторые тенденции послабления — тело остается одетым. Сегодня мы обязаны соблюдать баланс между неким резервуаром чувств, соответствующим прежде всего профессиональной области, и сферами, в которых может найтись удовлетворение умеренная аффективность. Такое удовлетворение может вызывать, например, просмотр какого-нибудь вестерна, посещение футбольного матча или концерта знаменитого исполнителя. При этом телесная нагота проявляется в разных сферах по-разному: если в медийном пространстве и рекламе в целях роста сбыта товара она намеренно сексуализируется, то на пляже или в бане господствует стремление вновь ослабить эротико-сексуальные коннотации обнаженного тела, усиленные в ходе цивилизационного процесса, и воспринимать их как нечто “естественное”, то есть десексуализировать. Это нашло отражение в серьезных сдвигах культуры тела и наготы, а также в возникновении на рубеже XIX–XX веков движения культуры свободного тела. Изменения осуществлялись с целью освобождения тела от искусственного закрепощения цивилизационными принуждениями. Проводники этих идей стремились придать выражениям чувств “естественную” меру, не давая полную свободу человеческим влечениям [12, S. 139].

Перманентное выставление напоказ обнаженного тела в рекламе на телевидении и в Интернете ведет к эффекту износа и способствует банализации наготы, она все меньше воспринимается как нечто необычное. Кроме того, следует различать легитимные формы сексуальности и наготы и нелегитимные. Например, проституция и порнография, со временем менее преследуемые государством, все же остаются социально порицаемыми и лишь терпимыми практиками.

Обнажение женской груди как процесс информализации

Р. Гергилов
Восприятие
наготы
в массовом
сознании

Процесс децивилизации в сексуально-телесной сфере Х. Дюрр видит, в частности, в росте практики публичных обнажений женской груди в западноевропейском обществе 1960–1970-х годов [2]. К. Воутерс предлагает интересную, хотя и довольно спекулятивную, трактовку собранного Дюрром в “Эротическом теле” этнолого-антропологического материала. Речь идет о том, что женщины, освобождаясь не только от необходимости корсета, но позднее и от бюстгалтера, расширяют шансы получения удовольствия от “демонстрации” своей сексуальности. Это предполагает, что мужчины должны учиться большему самообладанию, большему учету желаний женщин и получению удовольствия не только от собственного, но и от сексуального возбуждения женщин [23].

Наряду с культурно-историческим тезисом о деградации в западном обществе чувства стыда вследствие обнажения груди Дюрр выдвигает также универсально-антропологический тезис о том, что во всех типах общества женская грудь ассоциируется с эротически-сексуальной притягательностью [2, S. 343]. Кроме того, он обращает внимание на социобиологический тезис, согласно которому, независимо от культурных переменных, во многих обществах мужчины предпочитают женщин с грудью средней величины, поскольку такие женщины обладают лучшими репродуктивными свойствами.

Ссылаясь на упомянутого Дюрром антрополога Д. Морриса, Воутерс развивает психосоциальную модель сексуального поведения в ходе изменения отношений зависимости и властных полномочий между полами в пользу женщин [22]. Он отмечает все большее многообразие сексуальных практик, рост эротического значения женской груди и продолжительности предварительных ласк. С его точки зрения, налицо возврат к канону романтической любви. Подобная процессуальная модель лучше дюрровской антропологически-социологической гипотезы объясняет эротизацию женской груди в западноевропейском обществе. Правда, эмпирическое обоснование историко-культурной модели у Воутерса отсутствует.

Между тем имеют место эмпирически фундированные положения об отношении к телесной наготы, особенно женской груди, на западноевропейских пляжах рубежа XIX–XX веков. Как пишет французский социолог Ж.-К. Кауфман, “в тиши обмена взглядами и жестами господствует четко прописанный код поведения на пляже, особенно, что касается топлес” [9, S. 119]. Повсеместное отсутствие видимых внешних ограничений на пляже предполагает высокую, стабильную и гибкую степень самоконтроля в плане выражения аффектов. По мнению Кауфмана, обнажение груди, ставшее с 1960–1970-х годов массовым явлением, оцененное посредством эстетической

классификации и коллективного влияния, ограничивается лишь на уровне взглядов не только локально (на пляже), но и морфологически (например, обнажение слишком большой, старой или обвисшей груди). К тому же оно регулируется неписаными поведенческими правилами: предпочтительными выглядят некоторые позы и типы поведения (лежащие, неподвижные тела), напротив, не одобряются слишком активные, суетливые движения тела. Практика топlesa должна реализовываться непринужденно и “естественно”, без чувства стыда и неловкости. Это относится и к обнажению женской груди, и к направленным на нее мужским взглядам. Интеракция и коммуникация на пляже покоятся на системе “индивидуализированных социальных связей”, на “дистанции”, запрещающей как прикосновения, так и разговоры или иные попытки преодоления защитного барьера анонимности [9, S. 165]. Для непринужденного обнажения тела анонимность играет решающую роль: «Чем более публичным, чужим, анонимным является пляж, тем меньше смущаются его посетители; и наоборот, тем более они смущаются, чем более он знакомый, “семейный”» [9, S. 100]. Дамы, загорающие на пляже топлес, ощущают неловкость, если мимо случайно проходят члены семьи, друзья или коллеги по работе, а также люди, известные им по другим областям жизни и в других социальных ролях, в которых строго прописана сексуальная дистанция.

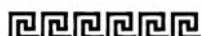
В соответствии с молчаливым кодом поведения на пляже мужчины не должны рассматривать женщин с обнаженной грудью открыто, долго, внимательно или насмешливо. Система легитимных взглядов позволяет лишь дискретный, поверхностный, нейтральный и как бы устремленный на панораму ландшафта взгляд. Имплицитные требования к непринужденности в отношении телесной наготы на пляже предполагают утонченное “искусство разглядывания без взгляда” [9, S. 163]. Здесь действует идеология банализации топлес, которая считает его вполне “нормальным” и “естественным” и пытается исключить сексуально-эротические ощущения. По пляжу прогуливаются и загорают, но не расслабляются.

Таким образом, речь идет о неписанных правилах и требованиях контроля над аффектами и самоконтроля в отношении телесной наготы в поздних фазах процесса цивилизации, имеющих информализованной или рефлексивной цивилизованностью. Даже в свободное время, например, в открытых бассейнах, обнаженные тела психологически и физически контролируются: так, обнажение груди женщиной подлежит неписаному принуждению малоподвижности, а мужской взгляду принуждению “видеть, не глядя”.

Эротизация нагого тела и связанные с ним чувства стыда и неловкости в течение последних ста лет значительно изменились. Если в начале XX века волнение вызывала открытая posteriorному взору лодыжка, то в начале XXI века даже обнаже-

ние женской груди в определенных ситуациях рассматривается как нечто само собой разумеющееся. Более того, ожидается, что окружение будет относиться к наготы по возможности непринужденно, легко и “естественно” [9, S. 56]. Сегодня чувство стыда и неловкости вызывает не нагота, а стеснительное, смущенное и скованное отношение к ней. Соглашаясь с Кауфманом, Дюрр подчеркивает, что некоторые женщины зачастую обнажают на пляже грудь, повинувшись групповому принуждению, “так как стыдятся выглядеть стыдливими” [2, S. 213]. Тот, кто стесняется показать обнаженные части тела или при переодевании слишком обстоятельно возится с полотенцем и пугливо озирается по сторонам, привлекает к себе еще большее внимание, на него устремлены насмешливые взгляды и направлены презрительные ухмылки. Нарушение неписаных правил поведения на пляже, требующих демонстрировать непринужденность, порождает коллективное осуждение. “Стыд и непринужденность — суть две стороны одной медали: стыд возрастает вследствие недостатка непринужденности и наоборот” [9, S. 277]. При этом способность к непринужденности способствует росту престижа и власти, а проявление чувства стыда стигматизирует индивида и демонстрирует его подчиненность. “Культивированную непринужденность” в виде шарма и элегантности, сигнализирующих проявление различных высших господствующих слоев, можно отличить от естественной непринужденности, господствующей в низших слоях общества [9, S. 279].

Допуск большей телесной наготы и большей публичности различных форм сексуальности в определенных сегментах общества сопровождается ростом качественно новых принуждений и страхов, которые, хотя не явно, но подспудно столь же действенны. Если сексуальность и телесная нагота в ранних фазах процесса цивилизации жестко подавляются и ограничиваются внешними табу и запретами, то с последней трети XX столетия они больше подлежат внутренним, нежели внешним принуждениям. Баланс между внешними принуждениями и самопринуждениями сдвинулся в сторону последних, а внешние принуждения стали более мягкими и незаметными. Теперь сексуальное поведение мужчин регулируется не как в Средние века — посредством строгого надзора и отграничения от женщин, от которых исходят эротико-сексуальные флюиды [17, S. 58]. Вместо требований максимально прикрывать тело женщины, допускать наготу исключительно в пределах жилища, а также строгого пространственно-временного разделения полов формируется установка мужчин на самоконтроль и умение держать себя в руках в присутствии полуодетых, а то и вовсе нагих женщин. Изменение баланса внешнего и внутреннего контроля приводит к конфликтам на сексуальной почве между представителями разных цивилизаций. Например, габитус молодых людей из среднеазиатских республик,

приехавших в Россию, не соответствует поведенческому коду большинства населения, предоставляющему женщинам значительно больше свободы действий, нежели в странах их происхождения.

Баланс властных отношений между полами

Ослабление сексуальных запретов и рост сексуальных свобод в европейских странах опосредуются социальными изменениями. В ходе дальнейшего развития института государства всеобщего благоденствия, экспансии образования, повсеместного контроля рождаемости и увеличения профессиональных возможностей женщин изменяются и отношения между полами. Хотя мужчины все еще обладают большими социальными полномочиями и привилегиями, система социальной поддержки женщины сдвигает баланс власти и полномочий между полами в пользу женщин, усиливая при этом эмансипационные процессы. Прямая зависимость женщин от мужчин сменяется опосредованной зависимостью от социально-государственных институтов и агентов. С переходом экзистенциальных функций семьи в сфере производства, обеспечения и воспитания детей к государственным институтам и усиливающимися принуждениями к гибкости и мобильности в профессиональной жизни в области интимных связей растет значение любви и защищенности. Этот сдвиг интимизации и эмоциональности семьи приводит к расширению романтического идеала любви с конца XVIII века [8, S. 21, 48]. Законодательно и идеологически поддержанная государством и церковью связь эротики с репродуктивной функцией секса в ходе такого развития ослабляет связь эротики и любви [1, S. 3]. Как следствие, долгосрочные связи, функционировавшие ранее в соответствии с “фигуративным идеалом гармоничного неравенства”, то есть базирующиеся на подчинении женщины материально содержащему ее мужчине, разрушаются [20, S. 136]. Ослабление жестких сексуальных табу в ходе таких социальных изменений позволяет заключить, что они утратили социальную функцию и стали служить в качестве выражения властного неравенства поддержанию и сохранению специфических отношений господства [7, S. 65]. Формализованные сексуальные предписания и запреты, казавшиеся прежним поколениям само собой разумеющимися, в ходе процесса информализации теряют силу убеждения и обоснованности.

Ослабление зависимости от мужчин позволило женщинам проще и эффективнее защищаться от сексуального насилия. Независимость женщин, усилившаяся в 1970-е годы, открыла им как доступ к избирательным урнам, так и возможность, в случае возникновения межличностных проблем, по собственной инициативе покинуть своих партнеров. Применение современных противозачаточных средств частично освободило представительниц слабого пола от репродуктивных принужде-

ний, они стали сами определять и удовлетворять свои сексуальные потребности. Вследствие сдвига властных полномочий женщины уже не в такой степени подвержены принуждениям целомудрия и жесткому распределению внутрисемейных ролей [17, S. 164].

Э. Гидденс характеризует возникшую демократичную форму отношений как “чистую связь” между сексуально и эмоционально равноправными партнерами [8, S. 69]. Они уже менее связаны друг с другом экономическими или материальными интересами, а в отношения вступают в первую очередь ради себя, в целях удовлетворяющего их эмоционального обмена. Возникновение “чистых связей” открывает возможность миролюбивых, полных понимания и уважения партнерских, самоопределяемых, то есть рефлексивных и демократичных отношений.

В этом смысле создание модели “чистой связи” можно, с точки зрения Элиаса, рассматривать как цивилизационный сдвиг. Однако в западноевропейском обществе “чистые связи” образуются не просто в соответствии с идеалом эмансипации. Этому образцу связей присущи постоянно возникающие выяснения властных полномочий. Но равноправные демократические отношения полов производят — пусть и краткосрочно — неуверенность, страхи и безразличие [1, S. 6, 10, 15]. С одной стороны, возрастают индивидуальные возможности выбора образа сексуально-эротических связей, с другой — партнеры не могут больше целиком полагаться на прежние образцы этих связей. Благодаря предзаданным нормам они вынуждены больше общаться, договариваться, достигать компромиссов и экспериментировать с новыми альтернативными моделями образа жизни и поведения, чтобы тем самым соответствовать изменившимся балансам власти и отношений. Результатом такого социального экспериментирования стал “брак без свидетельства о браке”, при котором заранее учитывается возможность расставания. Ввиду принципиальной нестабильности и отсутствия обязательств подобный брак вызывает неуверенность и опасения. Модели партнерства, которые, как и “брак без регистрации”, основаны на идеале “чистых отношений”, пронизаны структурным конфликтом между сексуальной притягательностью, как правило, недолговечной, и заботой друг о друге [8, S. 152]. Связи, ориентированные на длительный срок, базируются теперь на чем-то относительно преходящем и непрочном: чувствах, любви, страсти. Современный “гражданский” брак стал более неустойчивым и подверженным всякого рода нарушениям. Возникают многочисленные формы отношений, общность которых состоит в том, что конструирование сексуальных связей необходимо вновь и вновь по-разному договаривать и “прорабатывать”. Это может привести к общему согласию, основанному на отказе сексуальной составляющей в отношениях.

Ввиду растущей напряженности между любовью и сексуальностью и усиливающимся разладом между старыми элитарными и новыми эгалитарными поведенческими идеалами становится сложнее найти некий удовлетворяющий обе стороны баланс между любовью и сексуальностью [22]. Если в соответствии со старым идеалом “гармоничного неравенства” конфликты были редкостью, то с распространением демократических идеалов отношений они увеличиваются. Благодаря полученным новым индивидуальным пространствам и свободе выбора теперь не только мужчины, но и женщины ищут удовлетворяющий их баланс удовольствий между урегулированием влечений и их реализацией, то есть настаивают на своем праве на удовольствия и секс. Но это изменение связано с возросшей неуверенностью, недовольством, чувством стыда, страхами и усилением безразличия. Порождаемый сдвигами в сфере властных полномочий кризис интимности объясняет растущее число разводов, консультаций психотерапевтов, бум литературы по самопомощи и бурные дискуссии о сексуальной насильственности. Теперь за полученную свободу выбора приходится расплачиваться принуждениями поиска своей идентичности, самонаблюдениями, самокопаниями и новыми зависимостями от профессиональных экспертов, специализирующихся в области психологической совместимости.

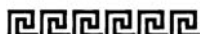
Немецкий сексолог Г. Шмидт на рубеже XX–XXI веков констатирует “исчезновение половой морали” и появление новой “морали договоров и интеракции” [16, S. 11], которая характеризуется тем, что сексуальная активность согласовывается партнерами и вырабатывается как некий консенсус. При этом все зависит не столько от оценки специфических сексуальных практик, сколько от вида их реализации. Увеличение видов сексуальных отношений предполагает ненасильственные договоры и согласие. Социальные принуждения к договоренности способствуют сдвигу в сторону рационализации, ведут к усмирению сексуального, чувствительности к проявлениям насилия и власти в сфере сексуального и “утончают” сексуальные формы обхождения. Ценой новой переговорной морали являются повышенные требования к самодисциплине, а также увеличение эмоциональной дистанции между партнерами. Обговаривание сексуальных связей затрудняет спонтанную эмоциональную отдачу и глубину интимности. По словам сексолога Ф. Зигуша, в ходе реализации “эгоистической консенсусной морали” сексуальное действие зачастую забалтывается [19, S. 26].

Тенденция перехода от “приказного домашнего хозяйства” к “договорному” в процессе демократизации властных отношений между полами, классами, поколениями и между руководителями и подчиненными в развитых западноевропейских странах отмечается не только в сексуальной, но и в других сферах [21]. На основании этого уравнивающего сдвига группы более могущественные должны в большей степени сдерживаться по

отношению к менее могущественным. Идеал справедливости приобретает все большее значение. Благодаря уравниванию властных манифестаций между полами усиливается женское самосознание, растет потребность женщин в самореализации, в более гармоничном партнерстве и сексуальности. В результате увеличиваются социальные требования к мужчинам, все более лишаящимся своих рычагов давления. Процессы информализации и создание договорной культуры в ходе сужения властных дифференциалов между полами порождают “более сильные запросы самопринуждения и в то же время постоянное экспериментирование и структурную неуверенность” [7, S. 53]. Увеличение в процессе “функциональной демократизации” властного потенциала прежде относительно безвластных групп приводит к недовольству и апатии, смятению и актам насилия, “если институционализированные балансы власти не соответствуют реальным властным потенциалам широких слоев общества” [4, S. 71].

Потерявшие в результате изменения баланса властных полномочий мужчины, структура личности которых покоилась все еще на старом идеале отношений “гармоничного неравенства”, испытывают трудности в плане измененных социальных требований и расширившимся полем деятельности женщин. Теперь они находятся под растущим давлением требований продемонстрировать в интимных отношениях больше теплоты и нежности и меньше агрессивности и властолюбия. Мужчины, ощущающие потерю своей власти как обиду и “потерю лица” в глазах других и своих собственных, ведут себя в сексуальном плане агрессивно [20, S. 128, 225]. Страх потери власти выражается в сексуальном насилии или же в импотенции и мешает мужчинам представить себе «радость глубокой привязанности к женщине — и возможное “цивилизованное” удовлетворение» [22, S. 295].

Нередко приобретенные свободы, возросшие пространства реализации чувств, поведения и свободы движения в сфере сексуальности воспринимаются не столько как некий выигрыш и освобождение от принуждений и чувства вины, сколько как необходимость больше общаться, быть более предупредительным и чаще самому принимать решения. С разрушением старых, отработавших правил и более формальных и строгих предписаний исчезают структурные вспомогательные ориентиры. Возникновение новых свобод сопровождается новыми принуждениями и требованиями. По З. Бауману, господствующий в модерне “страх отклонений” в постмодерне сменился “страхом несоответствий” [1, S. 13]. Если исчезают принуждения к конформности — а с ними и страхи девиантности — то их место занимают принуждения к самоконтролю, самостоятельному урегулированию и балансу различных интересов, что, в свою очередь, порождает чувства неуверенности, беспомощности и неудовлетворенности. Этому подвержены как мужчины, так и женщины. Некоторые мужчины становятся

ся насильниками в сексуальной сфере или практикуют экстремальные сценарии сексуальных отношений, влившиеся в широко распространенный в современном европейском обществе садомазохизм.

Литература

1. *Bauman Z.* Über den postmodernen Gebrauch der Sexualität // Zeitschrift für soziale Forschung. 11 Jg. H. 1. S. 11–16.
2. *Duerr H.-P.* Der erotische Leib. Der Mythos vom Zivilisationsprozess. Bd. 4. Frankfurt/M. Suhrkamp, 1997.
3. *Eckert R.* Grauen und Lust. Die Inszenierung der Affekte. Eine Studie zum abweichenden Pfaffenweiler: Centaurus-Verlags-Gesellschaft, 1990.
4. *Elias N.* Was ist Soziologie? Weinheim; München: Juventa, 1970.
5. *Elias N.* Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Bd. 1: Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes, Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1976.
6. *Elias N.* Die Zivilisierung der Eltern // *Burkhardt L.* (Hg.): "...und wie wohnst Du?". Berlin: IDZ, (1980). S. 11–28.
7. *Elias N.* Über die Einsamkeit der Sterbenden in unseren Tagen. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1982.
8. *Giddens A.* Wandel der Intimität. Sexualität, Liebe und Erotik in modernen Gesellschaften, Frankfurt/M.: Fischer, 1993.
9. *Kaufmann J.-C.* Frauenkörper — Männerblicke. Konstanz: Univ.-Verl. Konstanz, 1996.
10. *Kentler H.* Eltern lernen Sexualerziehung. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1990.
11. *Keppeler A.* Wirklicher als die Wirklichkeit? Das neue Realitätsprinzip der Fernsehunterhaltung. Frankfurt/M.: Fischer, 1994.
12. *Klein G.* Frauen Körper Tanz. Eine Zivilisationsgeschichte des Tanzes. München: Heyne, 1994.
13. *Kleinspehn Th.* Der flüchtige Blick. Sehen und Identität in der Kultur der Neuzeit, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1989.
14. *Kleinspehn Th.* Nacktheit zwischen privater und medialer Inszenierung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995.
15. *König O.* Nacktheit. Soziale Normierung und Moral. Opladen: Westdt. Verlag, 1990.
16. *Schmidt G.* Sexuelle Verhältnisse. über das Verschwinden der Sexualmoral, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1998.
17. *Schröter M.* Erfahrungen mit Norbert Elias. Gesammelte Aufsätze. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1997.
18. *Schulte H.* Leben und Erlebnis: Seelsorge in der Erlebnisgesellschaft Aachen: Shaker, 2000
19. *Sigusch V.* Kultureller Wandel der Sexualität. Stuttgart; New York: Thieme, 1997.
20. *Stolk B., Wouters C.* Frauen im Zwiespalt. Beziehungsprobleme im Wohlfahrtsstaat. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1987.
21. *Swaan A.* Die Inszenierung der Intimität. Wohnverhältnisse und Familienleben. Weinheim; Basel: Beltz, 1989.
22. *Wouters C.* Wandlungen der Lustbalance: Sexualität und Liebe seit der sexuellen Revolution. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1997.
23. *Wouters C.* Die verlegte Rue d'Amour. Über Hans Peter Duerrs Kritik an der Zivilisationstheorie von Norbert Elias // Zeitschrift für Sexualforschung. 1999. 12. Jg. H. 1. S. 50–57.